

Поѣздка въ чужіе края К. С. Аксакова *).

(Письма къ роднымъ).

XVII.

Берлинъ, 29-го іюня 1838.

Милый дяденька и милая тетенька!

Вотъ уже гдѣ я! за 1500 верстъ отъ Петербурга и болѣе нежели за 2000 отъ Москвы! Уже давно раздается вокругъ меня одинъ нѣмецкій языкъ, давно другой народъ, другое опредѣленіе жизни вижу я предъ собой.

Да, путешествіе важно для меня во многихъ отношеніяхъ это я очень чувствую. Передамъ вамъ, милые дяденька и тетенька, сколько могу связнѣе, рядъ впечатлѣній, которыя ложились мнѣ на душу.

Изъ Митавы взялъ я перекидную телѣгу (1 разъ въ жизни). Эта ѣзда понравилась мнѣ чрезвычайно; особливо ночью, когда мѣсяцъ взошелъ надъ лѣсомъ. Особенное чувство, какую-то бодрость испытывалъ я, когда быстро, одинъ, вѣхалъ по лѣсу, крѣпко стянувъ свой плащъ, надвинувъ шапку и бодро сидя на своемъ чемоданѣ. Не испугался бы я тогда встрѣчи съ какими нибудь ворами. Мужество, силу чувствовалъ я въ себѣ. Весело скакать, не отдыхая ни минуты! Вхожу въ почтовый домъ; смотритель прописываетъ подорожную; я плачу прогоны; между тѣмъ чемоданъ перекинуть въ другую телѣгу, которая уже у крыльца. Я сажусь и скачу снова. Путешествіе только показало мнѣ всю крѣпость моего сложенія: чѣмъ меньше я сплю, чѣмъ меньше ѣмъ (иногда

*) См. „В. В.“ мартъ—апрѣль 1916 г.

по суткамъ и болѣе), чѣмъ безпокойнѣй дорога, тѣмъ я бодрѣй и здоровѣй. Такъ доѣхалъ я до Таврогена (мнѣ отсовѣтовали ѣхать на Мемель,—дальше и дороги хуже). Вообразите мою досаду: я пріѣхалъ туда чѣмъ свѣтъ въ середу, а дилижансъ ушелъ вечеромъ во вторникъ. Мнѣ предлагали ждать до субботы, но я не согласился,—до границы было только 7 верстъ. Я взялъ телѣгу и поѣхалъ. Скоро увидѣлъ нашу заставу, запертую замкомъ. Грустно мнѣ стало. Конечно, и до границы уже долженъ я былъ безпрестанно говорить по-нѣмецки; но вотъ конецъ, вотъ рубежъ Россіи! За нимъ уже ничто не будетъ напоминать мнѣ о моемъ отечествѣ. Я отдалъ свой паспортъ русскому солдату,—последнему, котораго я видѣлъ; подошли, отперли замокъ, шлагбаумъ поднялся, я переѣхалъ границу,—съ одной стороны—нашъ двухглавый орелъ, а съ другой—одноголовый прусскій. *Königreich Preußen.*

И такъ я—въ Пруссіи. На таможенѣ осмотрѣли нѣсколько мой чемоданъ; на почтовой станціи дали мнѣ лошадей до Тильзита. Пока закладывали, я написалъ маленькую записочку къ моимъ милымъ родителямъ. „Der Wagen ist fertig“,—сказалъ мнѣ почтмейстеръ. Я вышелъ на крыльцо, отдавъ ему письмо мое, чтобы отправить. Телѣга была совсѣмъ другого устройства,—покойнѣе, если хотите; но это мнѣ все равно. Однако, опрятность упряжи, чистый мундиръ почтальона,—все это произвело на меня пріятное впечатлѣніе,—и когда почтальонъ заигралъ въ свой рожокъ, то мнѣ стало весело, и я улыбался, какъ дитя. Скоро, однако, мой почтальонъ началъ дремать; лошади шли тихо; съ шоссе своротили мы на песокъ,—и скоро прошло мое первое веселое впечатлѣніе.

Странное дѣло! если нѣмецъ и шибко ѣдетъ, то все у него это такъ регулярно, такъ правильно, какъ по масштабу; ни разу лошади его не помчатся, какъ стрѣла; ни разу онъ не прикрикнетъ, какъ русскій ямщикъ, съ которымъ ѣхать иногда, точно, наслажденіе. Характеръ народовъ высказывается всюду. Посмотрите, сколько жизни въ русскомъ ямщикѣ. Она выражается у него всюду, подберетъ ли онъ возжи и прикрикнетъ: „эхъ, вы!“ запоетъ ли онъ пѣсню, протяжную и грустную, вездѣ видно одушевленіе, вездѣ виденъ человѣкъ, Богомъ отмѣченный. Есть вещи, которыхъ

не даетъ никакое просвѣщеніе: это могъ я замѣтить въ мое еще краткое пребываніе въ Германіи.

Отъ первой станціи до Тильзита—три мили съ $\frac{1}{4}$, т. е. $22\frac{3}{4}$ нашихъ верстъ. На станціи взялъ съ меня 3 талера, да почтальону долженъ я былъ заплатить 25 зильберъ-грошей, итого 16 р. 80 к. Каково! Увидя такую дороговизну, я рѣшился взять фурмана. Новая бѣда! Кто пріѣхалъ съ почтой, тотъ не имѣетъ права брать фурмана прежде сутокъ. Итакъ я долженъ былъ остаться до утра. Въ это время писалъ я письма своимъ въ Москву. На другой день, проснувшись въ 4 часа утра, сѣлъ я съ фурманомъ, котораго нанялъ до Кенигсберга (16 миль) за $10\frac{1}{2}$ талеровъ. Мы ѣхали довольно скоро и пріятно; проѣхали нѣсколько деревень: вездѣ чистота, вездѣ и во всемъ опрятность. Нѣмцы и нѣмки бодро работаютъ на своихъ грядкахъ съ картофелемъ; довольство, трудолюбіе—все это я видѣлъ въ этихъ маленькихъ деревняхъ. Одно меня сердило—это произношеніе: „Ich habe gesagt“, „jo“, „assen“⁴⁹⁾.

Въ 4 часа послѣ обѣда пріѣхалъ я въ Кенигсбергъ, городъ не очень опрятный, съ узкими улицами. Я остановился въ гостиницѣ Das deutsche Haus, взялъ моего Рейхгарта и прочелъ, что онъ говоритъ о Кенигсбергѣ. Ко мнѣ явился лонбединтеръ, и съ нимъ отправился я осматривать городъ. Мы прошли мимо дома, гдѣ жилъ Кантъ и гдѣ прибита доска съ надписью о томъ. Мы прошли черезъ замокъ и пришли, наконецъ, къ Domkirche, построенной въ 1338 году. Въ первый разъ увидѣлъ я здѣсь памятникъ среднихъ вѣковъ: католическую церковь, мрачную и грозную. Я вошелъ, и въ первый разъ также встрѣтилъ, наконецъ, слѣды рыцарства: шлемы, неполныя желѣзныя перчатки, шпоры висѣли по стѣнамъ; копыя и знамена были воткнуты надъ ними. Не было ни одного полнаго вооруженія; это были полуисчезнувшіе слѣды великаго времени. Первый разъ рыцарство было такъ близко передо мной, уже не мечта моя,—нѣтъ, а существенность; я видѣлъ, наконецъ, слѣды его, грозныя, величественныя. Живѣе возникло въ душѣ моей все это время; грозно, величественно явилось оно передо мной. Тутъ же нѣсколько памятниковъ. Гробница гофмейстера съ женой.

⁴⁹⁾ Въмсто: „Ich habe gesagt“, „ja“, „essen“.

На гробницѣ онъ высѣченъ изъ камня, лежащимъ съ закрытыми глазами, и подлѣ него—жена его. Нѣсколько разъ смотрѣлъ я на этотъ памятникъ. Рыцарь лежитъ въ полномъ вооруженіи. Самая смерть не властна его разлучить съ оружіемъ, посвященнымъ всегда религіи и правому дѣлу; длинный, прямой мечъ лежитъ у груди его, шлемъ у ногъ.— Со всѣхъ сторонъ—памятники, портреты рыцарей во весь ростъ; плиты, по которымъ ходилъ я, съ ихъ изображеніями. Все это такъ сильно дѣйствовало на меня. Чудное, великое время! первое общее могущественное проявленіе истинъ Евангелія въ жизни! Сила, потерявшая свою дикость, просвѣтленная христіанскимъ ученіемъ; сила на служеніе вѣрѣ, на защиту слабыхъ; сила, въ первый разъ преклонившаяся предъ женщиной, возвысившая ее, давшая ей настоящее мѣсто!.. Да, рыцарство въ первый разъ показало міру, что есть иная сила—сила духа, сила внутренняя. Какое значеніе получило чувство любви во время рыцарства! Но о рыцарствѣ когда-нибудь послѣ, милый дяденька и милая тетенька! Я вижу, если мнѣ описывать все подробно, то выйдетъ слишкомъ длинное письмо.

Въ Кенигсбергѣ пробылъ я дня два, взялъ мѣсто въ дилижансѣ и отправилъ впередъ всѣ свои вещи. Тогда, оставшись одинъ, сталъ я думать о филологин, и еще болѣе увѣрился, милый дяденька, что мнѣ должно идти по этому пути. По мѣрѣ того, какъ вокругъ меня яснѣютъ мои догадки, открываεται цѣлый рядъ новыхъ, все дальше и дальше... Да, это рѣшено: я уже не оставлю своихъ филологическихъ занятій. Слишкомъ уже далеко зашелъ я въ своихъ предположеніяхъ, а воротиться было-бы стыдно,—итакъ надо идти впередъ! Не оставлю пути своего, и, быть можетъ, скоро съ болѣе бодрою, ясною душой буду продолжать трудъ свой. Вы меня понимаете, милый мой дяденька, и вы также, милая моя тетенька.

Въ Кенигсбергѣ я записала нѣсколько новыхъ мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову, и, спрятавъ свои записки въ карманъ, отправилась садиться въ дилижансѣ, который несравненно хуже нашихъ. Вокругъ меня сидѣли нѣмцы, съ которыми и начался у насъ разговоръ. Пруссакки совѣмъ насъ не любятъ, это отличало ихъ отъ другихъ нѣмцевъ, вмѣстѣ со мною сидѣвшихъ. У меня былъ пренепріятный

разговоръ о Россіи. Я употребилъ все свое искусство, чтобъ дать моему разговору ничтожное значеніе,—разговоръ былъ довольно важень. Съ другими нѣмцами познакомился я скоро; мы разговорились о Шиллерѣ, котораго всѣ чтутъ здѣсь съ благоговѣніемъ. Говоря про него, я сказалъ три стиха изъ того, что Гете написалъ о немъ:

Und mache Geister, die mit ihm gerungen.
Sein gross Verdienst unwillig anerkannt.
Sie fühlen sich durch seine Kraft durchdrungen.

Вмигъ разцвѣли лица моихъ нѣмцевъ (одинъ изъ Рудольфштадта, другой изъ Риги, а третій изъ Саксоніи). Они дали мнѣ свои карточки, и нѣмецъ изъ Рудольфштадта просилъ меня заѣхать къ нему. Тамъ, съ четверть мили отъ города, есть домикъ Шиллера, гдѣ онъ жилъ и писалъ; недалеко отъ домика—гора, гдѣ онъ любилъ сидѣть, и гдѣ теперь поставленъ бюстъ его. Какъ же не съѣздить! У Шиллера есть сынъ, ассесоръ въ Кельнѣ, чрезвычайно на него похожій, какъ увѣряетъ Ринке (рудольфштадтскій нѣмецъ).

Мы проѣхали Мариенбургъ, и я не могъ осмотрѣть замка; только снаружи видѣлъ я стѣны и башню надъ водой.

На пути видѣлъ я много хорошихъ городовъ, очень населенныхъ; вообще вездѣ встрѣчалъ я опрятность, трудолюбіе, бодрость на лицахъ; удобства жизни возведены до высшей степени. Все напоминаетъ, что вы въ странѣ образованной, въ странѣ наукъ; особенно въ Берлинѣ вы это чувствуете живѣе: честь и слава нѣмцамъ! Все, что дано имъ отъ природы, все развили они до высшей степени и продолжаютъ развивать, но субстанція народа (говоря ихъ же выраженіемъ) ниже, гораздо ниже субстанціи русскаго народа. Другими словами: больше талантовъ дано русскому, нежели нѣмцу, но въ томъ и состоитъ заслуга и преимущество послѣдняго, что онъ развилъ, обработалъ все, что дано ему; и, однако, несмотря на то, сейчасъ же чувствуешь разность въ субстанціяхъ этихъ двухъ народовъ; видна птица по полету: маленькій орленокъ—все уже не то, что выросшій коршунъ.

Я видѣлъ въ Берлинѣ музеумъ: превосходное зданіе. Я ходилъ тамъ по картинной галлерей и еще пойду: всего

осмотрѣть вдругъ я не могъ. Многія картины поразили меня, но оставляю эти рассказы до свиданія.

Мнѣ часто бываетъ очень грустно, и хочется поскорѣе воротиться. Часто забываюсь, и думаю (въ дорогѣ особливо), что я въ Россіи; но, разумѣется, скоро выхожу изъ своего заблужденія.

Дороги обсажены большею частью прекрасными деревьями (Pappel); это, однако, не тополи: они встрѣчаются и у насъ въ садахъ, но рѣдко, вѣтви не разбѣгаются въ стороны, а напротивъ—прижимаются плотно къ дереву и придаютъ ему видъ колонны, сверху округленной; они бывають иногда очень высоки и называются, кажется, еще раинами; иногда встрѣчаются липы, ивы и березы.

Въ Берлинѣ былъ я въ театрѣ и видѣлъ оперу „Велизарій“. Театръ маленькій, скамейки вмѣсто кресель, но костюмы, пѣніе, оркестръ—все прекрасно; музыка увертюры сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе,—вѣроятно, потому, что я давно не слышалъ музыки; но замѣчательно, что изъ цѣлой оперы ни одинъ мотивъ не запалъ мнѣ въ душу (сочиненіе Доницетти, кажется).

Берлинъ—прекрасный городъ; улицы широкія, и мѣсто, которое называется Люстгартенъ, превосходно. По срединѣ—высокій фонтанъ. Съ одной стороны—музеумъ; напротивъ его—старый замокъ; съ боку—цейхаузъ, съ другаго боку—биржа и церковь.

Въ музеумѣ есть также отдѣленіе памятниковъ скульптуры. Я начинаю понимать поэзію этого искусства; но подробности оставляю до другаго раза, милые дяденька и тетенька.

Да, у насъ нѣтъ музеума; у насъ нѣтъ многого, что здѣсь часто встрѣчаешь; для нашего народа не существуетъ еще значенія великихъ сокровищъ науки и искусства, которыми наслаждаться должно ѣхать сюда, но наша исторія впереди. Много лежитъ въ душѣ русскаго человѣка, и лучше и глубже западныхъ народовъ пойметъ онъ ихъ же плоды науки и искусства. О, это я живо, живѣе чувствую здѣсь.....

Но листочекъ къ концу. Прощайте, милый дяденька, обнимаю васъ, а у васъ, милая тетенька, цѣлую ручки. Двоюродныхъ братьевъ обнимаю, у сестрицъ цѣлую ручки.

Всею душой Вашъ *Константинъ А.*

Приписка съ боку.

Что касается до моихъ издержекъ, то дѣло идетъ пока прекрасно. По прїѣздѣ въ Берлинъ у меня было въ остаткѣ слишкомъ 300 руб. изъ взятыхъ на дорогу.

XVIII.

Первое письмо изъ Дрездена.

Дрезденъ, ¹⁵/₃ Юля 1838 г.

Нынче по утру прїѣхаль я въ Дрезденъ, милые, дражайшіе родители, и продолжаю давать вамъ отчетъ въ моемъ путешествіи.

Ваше письмо въ Берлинъ получилъ я, садясь въ дилижансъ, и тутъ же прочелъ. Не безпокойтесь, милые, дражайшіе родители, сложеніе у меня желѣзное; теперь только узналъ я это. Дай Богъ только, чтобы вы всѣ, чтобы вы, милый отесенька, были здоровы. Здѣсь несноснѣйшія жары: въ тѣни 28 (кажется) градусовъ; меня, сѣвернаго жителя, совсѣмъ растопило. Но я стану рассказывать вамъ все по порядку.

Я осмотрѣлъ, сколько возможно было, всѣ достопамятности Берлина, и даже узналъ расположеніе его улицъ. Городъ правильный, какъ и всѣ города иностранные, — по крайней мѣрѣ, съ широкими улицами, съ прекрасными зданіями (если взять отдѣльно), и, что важно, въ немъ довольно зелени, деревьевъ, чего нѣтъ въ Петербургѣ. Къ городу непосредственно примыкаетъ тѣнистый паркъ: „Thiergarten“; къ нему доходишь по улицѣ, усаженной липами, которая оттого и получила свое названіе: „Unter den Linden“. Мой Lohnbedienter былъ пресмѣшной, пожилой человѣкъ, который всегда бѣгалъ, догонялъ меня, если отставалъ какъ-нибудь. Онъ показалъ мнѣ цейхаузъ, кунсткамеру, египетскій музей. При входѣ онъ всегда оставлялъ меня, и я осматривалъ одинъ (платя раскашнику, разумѣется). Въ цейхаузѣ пруссаки съ гордостью показываютъ цѣлые ряды ружей, сабель и всякаго рода оружія; но на это мало обращалъ я вниманія: я смотрѣлъ на рыцарскія вооруженія, изъ которыхъ одно принадлежитъ Франциску I-му, но которыя тутъ не сдѣлали на меня того впечатлѣнія, какъ рыцарскіе шпашки и копья

въ Domkirche въ Кенигсбергѣ.—Тутъ много также рыцарскихъ мечей, широкихъ, длинныхъ и прямыхъ, много копій, сѣкирь; на все это смотрѣлъ я со вниманіемъ, также и на знамена французской республики и другія, которыя пруссаки развѣсили по стѣнамъ. Въ кунсткамерѣ вещи самыя разнообразныя: оружіе, одежды китайцевъ и дикихъ племенъ, разныя издѣлія изъ кости, башкирскіе луки, и потомъ станокъ Петра Великаго; но, смотря на него и слыша, какъ о немъ рассказываютъ, я смолчалъ и не сказалъ ни слова, потому что я теперь не вдругъ сказываю, что я—русскій, послѣ обнаруженія той непріязненности, какую замѣтилъ я къ намъ со стороны пруссаковъ. Потомъ видѣли мы восковую фигуру Фридриха Великаго: передъ нимъ на столѣ лежитъ его флейта; самъ онъ одѣтъ въ своемъ поношенномъ кафтанѣ. Противъ него, за столомъ—шляпа Наполеона, на которую неравнодушно посмотрѣлъ я. Тутъ же модель Исаакіевскаго храма, который строился въ Петербургѣ. „И эти колонны будутъ изъ цѣльнаго гранита,—говорилъ рассказчикъ,—и будутъ внесены тамъ высоко“. Невѣроятно! Въ одной Россіи можетъ только быть это. Въ другой комнатѣ видѣли мы рельефъ Швейцаріи съ горами, рѣками, озерами, сдѣланный прекрасно, и также изображеніе (будто-бы самородное) въ камнѣ—прусскаго орла. Египетскій музей находится въ саду „Mou bijou“,—и, нечего сказать, съ любопытствомъ, съ особеннымъ ощущеніемъ смотришь на эти памятники; видишь себя окруженнымъ вдругъ цѣлымъ незнакомымъ міромъ: гробы, муміи, статуи, украшенія, оружіе, на всемъ особое выраженіе, все связано между собой единствомъ общей мысли. Мнѣ страшно стало даже, когда я подошелъ къ женской муміи, обернутой въ полотно и чрезвычайно сохранившейся. Какое пространство времени уничтожается между нами! Откуда несется эта вѣсть!....

Въ Берлигѣ я порядкомъ поистратился, милые, дражайшіе родители мои. Меня, кажется, и обманули немножко. Я купилъ шляпу съ пружиной, и купилъ потому, что ужъ мнѣ ее принесли (хотя мнѣ больше хотѣлось бы соломенную). Долженъ былъ платить то тому, то другому разнощику, да три раза ѣлъ я мороженое, съѣлъ одинъ пирожокъ. Вотъ милые мои родители, отчасти лишніе расходы, которыхъ можно бы и не сдѣлать; также, такъ какъ это составляетъ не-

большую разницу, то я платилъ за цѣлый обѣдъ.—Зашедши, чтобы съѣсть мороженаго, въ кондитерскую, взялъ я тамъ одинъ берлинскій журналъ и съ удовольствіемъ прочелъ небольшія рецензіи на вновь вышедшія книги; стихи, выписанные изъ одной, мнѣ понравились, и я рѣшился купить эту книжку (она стоитъ 20 s. g., кажется) „Wanderbuch Гофмана“,—есть прекрасныя пѣсни. При отъѣздѣ спросилъ я лонбединтера: что ему нужно? Онъ сказалъ: 2 тал. По Рейхгардту выходило 2 тал. 20 s. g., и потому я прибавилъ ему, будучи доволенъ его умѣренностью; но на другой день онъ взялъ съ меня $\frac{1}{2}$ талера, чтобы отдать служителямъ. Итакъ вообще я издержался, боялся остаться безъ денегъ, и потому взялъ на свой кредитивъ 100 тал. у банкира, который очень учтиво выдалъ мнѣ 99 и 12 s. g., попросилъ подписаться,—и вотъ бѣда: я подписываюсь удивительно разное, и какъ онъ сличилъ эту подпись съ подписью прежнею—изъ Петербурга, то вышла порядочная разница. Что же? Я сконфузился, какъ бы виноватый, и предлагалъ ему показать мой паспортъ, но онъ не захотѣлъ.

Въ Берлинѣ ходятъ довольно свободно: кто въ галстухѣ, кто безъ галстука, кто въ шляпѣ, кто со шляпой въ рукѣ, кто въ бархатномъ кафтанчикѣ, даже въ блузѣ иные. Но нигдѣ нѣтъ столько разнообразія въ бородахъ, какъ здѣсь. Боже мой! какихъ нѣтъ здѣсь бороды! Эспаньелка, à la Henri IV, jeune France, подбритыя, недобритыя, и, наконецъ, встрѣтилъ я студента съ настоящею длинною бородой и съ длинными волосами, которые носятъ здѣсь довольно часто.

Наконецъ, въ субботу поутру оставилъ я Берлинъ, самъ не знаю почему, съ грустнымъ чувствомъ. Передъ самымъ отъѣздомъ получилъ я ваше письмо, милые мои, дражайшіе мои родители. Мнѣ стало грустно, и хотѣлось скорѣе, сейчасъ даже воротиться... Да, эта мысль пришла мнѣ въ голову; но я рѣшился еще ѣхать впередъ; впрочемъ, если Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы, то въ ноябрѣ вначалѣ я буду, вѣроятно, въ Москвѣ, съ вами, милые, дражайшіе родители. Всегда, когда получаю письма ваши, мнѣ становится грустно, и хочется воротиться теперь же. О, будьте спокойны, прошу васъ, милые, дражайшіе мои родители! да, хочется часто мнѣ домой, но до осени, по крайней мѣрѣ, хочу остаться здѣсь. Будьте здоровы, спокойны, веселы; я здоровъ

совершенно. Но продолженіе до завтра. Къ Вѣрочкѣ хочу писать также. Прощайте, дражайшіе родители мои.

Вашъ *Костенька*.

На другой день по утру.

Я посылалъ еще вчера на почту; но еще нѣтъ писемъ отъ васъ, дражайшіе родители. Неужели вы можете думать, что я не часто пишу къ вамъ? Нѣтъ, милые родители, я въ этомъ случаѣ не экономничаю и пишу большія письма. Это уже 7-ое или 8-ое послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга: 1-ое написалъ я съ дороги съ ямщикомъ, 2-ое изъ Дерпта, изъ Риги 2 письма: одно—прямо въ Москву, а другое—черезъ Петербургъ, чтобы Гриша отвезъ вамъ самъ,—итакъ вотъ 4 письма до границы. За границей написалъ я: съ первой прусской станціи, потомъ изъ Кенигсберга, потомъ изъ Берлина. Итакъ 7 писемъ, а это 8-ое. Не знаю, всѣ ли получили вы, милые родители. Два первыхъ заграничныхъ были отправлены уже послѣ отъѣзда моего почтмейстеромъ и лонбедиятеромъ, потому что почта въ Россію шла не въ то время. Нынче, вѣроятно, принесутъ мнѣ письмо. Теперь, милые, дражайшіе родители, пишите въ Базель *poste restante*. Впрочемъ, я вездѣ оставляю адресъ въ слѣдующій городъ, чтобы письма пересылались за мною.

Итакъ въ субботу сѣлъ я снова въ дилижансъ, и снова—въ путь, пробывши четверо сутокъ въ Берлинѣ. На Берлинѣ былъ я сердитъ, затѣмъ, что не нашелъ въ немъ музыки Гофмана, а, напротивъ, увидалъ, что самого Гофмана едва знаютъ. На этотъ разъ въ дилижансѣ досталось мнѣ очень выгодное мѣсто: напередѣ, съ кондукторомъ. Со мною рядомъ сѣлъ еще одинъ пожилой, глухой нѣмецъ, который сейчасъ пожелалъ мнѣ добраго утра, и съ которымъ у насъ завязался разговоръ. Я сказалъ ему, что я въ первый разъ въ Берлинѣ, иностранецъ,—и вотъ онъ сталъ непрерывно обращать мое вниманіе то на дома, то на улицы, то на сады. Берлинъ при выѣздѣ понравился мнѣ больше: прекрасный городъ! Когда же мы проѣхали ворота и вѣхали въ *Potsdamer Strasse*, то въ самомъ дѣлѣ я любовался: густыя деревья, прекрасные домики, разнообразіе зелени, и воздухъ такой

свѣжій, благоуханный, все это было такъ хорошо, и мой вѣмецъ, желая, чтобы я не пропустилъ ни одного предмета замѣчательнаго, немилосердно толкалъ меня въ бокъ. Что дѣлать? у него уже такая,—впрочемъ, странная,—привычка. Такимъ образомъ весело ѣхалъ я, тѣмъ болѣе, что вѣтерокъ прохладжалъ уже становящееся жаркимъ утро. Какъ было ясно и хорошо! Когда же проѣхали мы загородные дома, то передъ нами потянулась цѣлая аллея высокихъ деревьевъ, которыя здѣсь называются *Parreln* и которыя совсѣмъ не то, что тополи; вѣтви плотно прилегаютъ къ стволу и образуютъ округленную сверху зеленую колонну. Кажется, ихъ кто-то еще въ Москвѣ называлъ мнѣ раинами. У насъ есть они въ Кремлевскомъ саду, но очень малой вышины, а здѣсь они бывають чрезвычайно высоки. Приѣхали на станцію. Я купилъ вишенъ и сталъ подчивать сосѣда своего и кондуктора; сосѣдъ мой, въ свою очередь, сталъ подчивать меня земляничкой, и вотъ мы очень познакомились; глухота его и странный выговоръ мѣшали нашему разговору; онъ спросилъ меня: откуда я? и узналъ, что я изъ Москвы.—Мы обѣдали въ *Трейнбратценѣ*. Я ѣлъ немного. Тутъ могъ я хорошо видѣть своихъ спутниковъ. Кромѣ насъ, въ дилижансѣ сидѣло 6 человекъ: нѣмцы, одинъ полякъ, одинъ англичанинъ изъ Африки и одна преинтересная, съ премилымъ лицомъ, нѣмка; мужъ ея, человекъ пожилой, былъ тутъ-же; въ *Weiwagen*,—при коляскѣ, если можно такъ перевести,—сидѣло тоже нѣсколько мужчинъ, и, между прочими, одинъ большого роста съ черными вислокозненными волосами и бакенбардами; онъ шумѣлъ, распоряжался, шутилъ и смѣшилъ моихъ спутниковъ; уже просѣдъ мелькала въ волосахъ его, но видно было, что это человекъ, прогулявшій все свое молодое время: онъ напоминалъ мнѣ *Вотреля* въ *Rôge Goriot*. Мы снова усѣлись и отправились. Въ каретѣ раздавался смѣхъ: африканецъ говорилъ по-нѣмецки, безпрестанно ошибался и между тѣмъ не переставалъ продолжать; всѣ смѣялись. Я не могъ принимать участія въ ихъ разговорѣ.

Мы приѣхали въ *Ютербонъ*, нѣкогда древнюю крѣпость; я ходилъ нѣсколько по городу, осмотрѣлъ кругомъ старинную ратушу, на одномъ углу которой стоитъ статуя рыцаря въ полномъ вооруженіи. Должно сказать, что стѣны башни и

расположеніе укрѣпленій этой крѣпости очень похожи на Кремль.

Оттуда проѣхали мы въ Герцбергъ. Это было уже поздно вечеромъ, и мои товарищи пошли ужинать, а я остался на улицѣ, чтобы походить по городу. Тамъ видѣлъ я готическую церковь; я встрѣчалъ ихъ и прежде, но эта всего больше выражала характеръ готической архитектуры, это ея стремленіе: окно, узоры и столбики все тянется выше и выше, суживается, и, наконецъ, оканчивается шпигелемъ, который сливается съ воздухомъ и исчезаетъ въ высотѣ. Герцбергская церковь въ первый разъ произвела на меня полное впечатлѣніе.

Между тѣмъ всѣ поужинали, и добрый нѣмецъ, сосѣдь мой, удивлялся, что я мало ѣлъ. Онъ подошелъ къ миловидной нѣмкѣ вмѣстѣ со мною и жаловался на меня за это. „Но чѣмъ же вы живете?“ спросилъ меня нѣмецъ.—Я ѣмъ столько, сколько мнѣ нужно,—отвѣчалъ я. „Wie die Steine sind heiss!“ (какъ горячи камни). Камни въ самомъ дѣлѣ были еще горячи. Но я ослышался и отвѣчалъ совсѣмъ не впопадъ: „Ja, die Sterne sind heiter“ (да, звѣзды ясны). Но я, однако, догадался скоро и поправился.

Не доѣзжая до Герцберга, проѣхали мы Глостеръ. Вечеръ былъ тихъ совершенно; заря совсѣмъ потухала; уже было темно, и Глостеръ едва двигался въ зеленыхъ своихъ берегахъ. Съ одной стороны купались, съ другой стороны была совершенная тишина. Мы опять проѣхали Глостеръ, но тогда уже была ночь, никого не было на берегахъ, и звѣзды то тамъ, то здѣсь отражались въ водѣ. Ночь была тепла чрезвычайно. Мы ѣхали по большой дорогѣ, которая въ чужихъ краяхъ—настоящая аллея; надъ дилижансомъ горѣлъ фонарь, и всякое дерево, приближаясь, вдругъ окидывалось страннымъ свѣтомъ и опять темнѣло. Въ полѣ было темно. Я не вдругъ заснулъ, но когда проснулся, мы были уже далеко отъ Саксонской границы.

Приѣхавъ въ Гроссенгаймъ (граница), мы должны были переѣздить дилижансъ, и я попалъ въ карету, въ которой помѣщается цѣлыхъ 9 человѣкъ. Мужъ нѣмки сѣлъ въ *Beiwagen*, уступая мѣсто свое одной дамѣ. Съ нами сѣлъ также другой англичанинъ изъ Америки (другъ перваго). Дамы, тоже нѣмки, сидѣвшія теперь вмѣстѣ съ нами,

съ ужасомъ разсказывала, что англичанинъ, товарищъ ея, спалъ всю дорогу, и теперь спитъ; въ самомъ дѣлѣ онъ спалъ уже, и прекрѣпкимъ сномъ. Мнѣ привелось сидѣть противъ интересной нѣмки, которая разспрашивала меня про Россію, и, между прочимъ, правда ли, что у насъ офицеры сами шьютъ торжковскіе башмаки. Я увѣрялъ, что нѣтъ. „Ахъ, какъ хороши башмаки эти!“ говорила нѣмка: „я видѣла ихъ однажды; здѣсь у насъ платятъ по три талера за нихъ“.—Я въ своихъ отвѣтахъ былъ ужасно неловокъ. Вотъ вамъ образецъ. Нѣмка говорила про свою свекровь, которая умерла, бывъ очень счастливою въ замужествѣ. Я не обращалъ вниманія на этотъ разговоръ, и потому, когда я услыхалъ сначала, какія прекрасныя у нея дѣти, а потомъ тридцать четыре, то пришелъ въ изумленіе и сказалъ: „какъ! тридцать четыре, тридцать четыре человекъ дѣтей!“ Но полякъ, который держалъ себя очень учтиво, прервалъ мое удивленіе, сказавъ по-нѣмецки (онъ говорилъ, какъ нѣмецъ): „тридцать четыре года, а не дѣтей“. Нѣмка улыбнулась, а я почувствовалъ, что сръзался. Потомъ, когда солнце начало печь дамъ, то мой сосѣдъ уступилъ мѣсто пожилой дамѣ, а мнѣ моя сосѣдка (*vis à vis*), улыбаясь, сказала: „я сижу на чьей-то шинели“.—Ахъ, это моя,—сказалъ я и взялъ свой плащъ. Несмотря на всѣ мои неловкости, разговоръ мой шелъ своимъ чередомъ, и я взялъ сторону моей сосѣдки, когда она стала обвинять себя въ невѣжествѣ. Вообще поѣздка въ дилижансѣ изъ Берлина была забавна и пріятна. Англичанинъ, другъ спящаго, ѣхавшій въ бобровомъ картузѣ, продолжалъ говорить по-нѣмецки и безпрестанно хотелъ самъ. Такимъ образомъ приближались мы къ Дрездену. Намъ должно было спуститься съ горы. Мы спустились, и что за видъ! Всѣ пассажиры бросились къ окну. Въ самомъ дѣлѣ, вокругъ, по горизонту горы (мы съѣзжаемъ тоже съ преживописной горы), передъ нами въ прелестной долинь—Дрезденъ,—чудо! Я еще не видывалъ такого прекраснаго мѣстоположенія; только мѣсто около Обояни похоже на него нѣсколько. „Но Америка спитъ до послѣдняго часа“, сказала пожилая нѣмка, указывая на англичанина, который все спалъ по прежнему. Я едва удерживался отъ смѣха; но, наконецъ, очнулся и онъ.

Мы вѣхали въ Дрезденъ. Прекрасный городъ, прекрасныя

зданія, а какое мѣстоположеніе! Да, правда: прекрасная земля Саксонія. Теперь-то я въ самомъ дѣлѣ въ Германіи, и радъ, что оставилъ Пруссію.—Дрезденъ лучше Берлина, — сказалъ я своей сосѣдкѣ.—„Берлинъ, ахъ, не браните Берлина, это мнѣ больно“! Итакъ я продолжалъ просто хвалить Дрезденъ. Мы пріѣхали. Всѣ пожитки свои велѣлъ я нести въ Hôtel de Russie. Мой товарищъ, нѣмецъ, оставилъ насъ въ Мариенбургѣ, простившись дружески со мной; полякъ пробудеть здѣсь сутки, а нѣмка съ мужемъ только 2 часа; англичане скрылись неизвѣстно куда. Итакъ изъ всѣхъ пассажировъ я одинъ только теперь въ Hôtel de Russie. Несмотря на нѣкоторую усталость, я отправился въ католическую церковь, гдѣ слышалъ чудесный органъ, видѣлъ короля, королеву и ихъ камергеровъ. Государя ждутъ на дняхъ, Государыню—нынче. Отсюда думаю отправиться въ Саксонскую Швейцарію, опять воротиться въ Дрезденъ и ѣхать въ Веймаръ отсюда. Во многихъ мѣстахъ не удастся мнѣ побывать.

Много бы мнѣ еще писать вамъ, милые, дражайшіе родители, но письмо должно отправить въ 5 часовъ, потому тороплюсь и оставляю до слѣдующаго письма. Самъ буду рассказывать вамъ осенью.

Я былъ нынче въ оружейной палатѣ, въ картинной галлерей, въ кунсткамерѣ (называемой: Das grüne Gemälde). Видъ съ террасы—чудесный. Былъ вчера въ театрѣ, но все, все до слѣдующаго письма, которое напишу изъ Дрездена же. Записокъ у меня почти нѣтъ; я подробно вамъ все описываю.

Несмотря на то, что въ письмѣ Ивановомъ ⁵⁰⁾ были мнѣ досадны его предостереженія, все то, что сообщилъ онъ мнѣ о Машенькѣ (что и вы, и дяденька и тетенька позволили), было мнѣ такъ пріятно, такъ наполнило и оживило меня! Я написалъ письмо къ дяденькѣ, гдѣ описываю ему сначала путешествіе и потомъ на особомъ листочкѣ пишу о письмѣ Ивана, но такъ, что это ему нисколько не повредитъ, и говорю все, что касается до извѣстнаго дѣла; пусть все онъ знаетъ ⁵¹⁾. Да я и запечаталъ потому въ одинъ пакетъ мои

⁵⁰⁾ Въ письмѣ Ив. Серг. Аксакова.

⁵¹⁾ Этотъ листокъ, носившій болѣе интимный характеръ, касаясь роман-

письма къ вамъ, къ тетенькѣ и дяденькѣ, пусть будетъ полная откровенность: развѣ не имѣютъ они права на нее? развѣ мало интересуется ихъ все это? Послѣдній же пріемъ дяденьки былъ таковъ, что только откровенныя, прямыя отношенія должны быть послѣ того, а Иваново смущеніе и предосторожности могли набросить нѣкоторую тѣнь. Самъ не зная, Иванъ пускается благоразумствовать.—Ну, да ужъ письмо мое все это сказало. Вѣрочка ⁵²⁾ совершенно неправъ съ своею тоже излишнею предусмотрительностью: впрочемъ, я напишу къ ней особо.—Одно я вамъ скажу, милые, дражайшіе родители мои: я вижу теперь, что многія сужденія мои о людяхъ были такъ ошибочны, что я потерялъ къ себѣ безусловную довѣренность съ этой стороны. Я былъ во многомъ неправъ.—Путешествіе мое, кажется, очень важно не потому, что я приобрѣту свѣдѣнія, не потому даже, что много новыхъ впечатлѣній ляжетъ на душу; нѣтъ, а важно (отдѣливъ все другое) въ отношеніи къ развитію моего духа, къ развитію самостоятельности; важно то, что я изолированъ. Да, милые, дражайшіе родители мои, вы раздѣляете со мною эти мысли; вы, вѣрно, рады тому. Будьте здоровы, дай Господи! Будьте веселы и спокойны. Не могу я долго прожить въ чужихъ краяхъ, несмотря на всю новостъ впечатлѣній. Прощайте, дражайшіе родители мои, до слѣдующей почты. Цѣлую ваши ручки.

Вашъ *Костенька*.

Приписка сбоку.

Все, что я не дописалъ—до слѣдующей почты. Кланяйтесь всѣмъ знакомымъ. Поклонъ Н. Ф. и К. К. ⁵³⁾ Скажите ей, что я совѣтую нѣмцамъ читать ея переводы, когда хотятъ имѣть понятіе о русской литературѣ.

XIX.

Второе письмо изъ Дрездена, 16/4 Юля, вечеръ.

Ахъ, Дрезденъ, Дрезденъ! Какой прекрасный городъ! Здѣсь только явилась мнѣ дорогая моя Германія, съ которою я такъ

.....
тической любви Константина Сергѣевича къ его кузинѣ, былъ, повидимому, впоследствии изгнать.

⁵²⁾ Сестра Константина Сергѣевича.

⁵³⁾ Павловымъ Николаю Филипповичу (извѣстному въ свое время авто-

давно знакомъ и которую увидалъ, наконецъ. Сейчасъ былъ я въ Большомъ Саду. Какъ хорошо! Какой чудный видъ на горы! Какая вокругъ свѣжая, привѣтная разнообразная зелень! Тутъ есть хорошенькіе загородные домики. Мы прошли мимо одного: тамъ у окна сидѣла прекрасная дѣвушка передъ станкомъ. Я дошелъ до конца сада и тамъ остановился предъ чудесною картиной, которая развертывалась передо мною. Влѣво—высокія горы съ загородными домиками, вдали—тоже горы, полупокртыя туманомъ, и вправо—мирный, тихій ландшафтъ также на возвышеніи. Да, прекрасно. Я стоялъ, и Шиллеръ, Гофманъ, Гете, Фихте проходили мысленно передо мной. Эта красота, эта природа, которою наслаждался я—общая съ ними. Я видѣлъ, узнавалъ ихъ въ ней; мысль о нихъ соединялась съ тѣмъ наслажденіемъ, которое я испытывалъ. Все величіе, вся безконечная сторона Германіи встала тогда передо мной. Живѣе, дѣйствительнѣе я почувствовалъ все то, чѣмъ такъ наслаждался, что такъ счастливо меня дома.

Наконецъ, мы воротились домой; но я понимаю, какъ можно наслаждаться здѣсь этимъ прекраснымъ мѣстомъ. Не стану говорить вамъ, милые, дражайшіе родители мои, о картинной галлерей, о кунсткамерѣ и проч. Это не могло сдѣлать на меня настоящаго впечатлѣнія въ такое короткое время, да и множество разнообразныхъ предметовъ скоро утомляетъ. Нѣтъ, живѣе подѣйствовали на меня прекрасныя—и близкія и далекія—горы, благорастворенный воздухъ и солнце послѣ сильнаго дождя, да и вообще Дрезденъ. Въ Дрезденѣ я встрѣчаю много прекрасныхъ лицъ. Это не то, что хорошенькія или милыя лица; не то, что красавицы (правильныя формы, стройность и проч.). Нѣтъ, это лица прекрасныя, много выражающія; лица, которыя говорятъ о внутренней прекрасной жизни души; я много встрѣтилъ здѣсь такихъ лицъ, которыя останавливаютъ, удерживаютъ вниманіе, и невольно образуется и носится образъ дѣвушки, глубоко чувствующей, съ душой, растворенною ко всѣмъ прекраснымъ впечатлѣніямъ, сердце которой волнуется глубоко всѣмъ, въ чемъ высказывается таинственное, безконечное

ру повѣстей) и Каролинѣ Карловнѣ (извѣстной переводчицѣ русскихъ поэтовъ на нѣмецкій языкъ).

жизни. Да, печальный, сумрачный вечеръ, шумъ деревьевъ, мракъ аллеи, звучные, проникнутые чувствомъ стихи, все это и тревожить и даетъ наслажденія. О, мои германцы! какъ давно я ихъ любилъ уже и зналъ, еще не видавъ ихъ Германіи! Скажите Н. Ф.⁵⁴⁾, милый мой отесенька, что я совсѣмъ не разочаровался, какъ видите; что смѣшное въ нѣмцахъ останется для меня смѣшнымъ, но нисколько не потеряетъ эта чудная, высшая, поэтическая и ученая сторона Германіи, безконечная сторона ея; я это еще живѣе чувствую здѣсь. Мнѣ стало здѣсь свободнѣе, просторнѣе. И моя филологія не будетъ забыта; она слишкомъ важное имѣетъ для меня значеніе.

Вотъ вамъ, милые мои, дражайшіе родители, то, что произвелъ во мнѣ Дрезденъ. До завтра—подробнѣйшее описаніе.

Я купилъ Гофмана „Elixir des Teneurs“ (Чортовъ элексиръ), жизнь⁵⁵⁾ Гофмана. Я очень мало еще знаю нѣмцевъ. Купилъ также описаніе Оружейной Палаты, картинной галлерей и Саксонской Швейцаріи. Вотъ мои дрезденскіе книжные расходы, мои милые, дражайшіе родители, но до завтра.

17/5 Юля.

Какое прекрасное утро провелъ я въ Большомъ Саду! Я отправился туда въ седьмомъ часу (онъ—за городомъ, но только за 100 шаговъ какихъ-нибудь). Утро было прекрасное: еще видны были слѣды вчерашняго дождя, горы были покрыты утреннимъ туманомъ. Мнѣ было такъ хорошо въ этомъ саду. Я взялъ съ собой книгу: Функа воспоминанія о Гофманѣ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, и, то ходя, то сидя, сталъ читать; много преинтересныхъ подробностей о Гофманѣ, котораго я полюбилъ теперь еще болѣе. Часа три я провелъ въ саду, то смотря вокругъ себя, то читая и думая о Гофманѣ, объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, которому еще должно отдать справедливость. Дальнія горы все еще были покрыты туманомъ, но за то какъ хорошъ былъ ландшафтъ направо, освѣщенный солнцемъ! Я пошелъ домой бодрый, крѣпкій духомъ. Городъ былъ уже въ движеніи. Должно замѣтить, что въ Германіи въ городахъ улицы

⁵⁴⁾ Н. Ф. Павлову.

⁵⁵⁾ Біографію.

и комната совсѣмъ не такъ раздѣлены, какъ у насъ. На дорогѣ опять встрѣчаль прекрасныя женскія лица, и между прочимъ одну простую саксонку, которая читала книгу; проходя мимо нея, я увидалъ, что это стихи, но какіе—не знаю. Я купилъ еще нѣсколько книгъ: жизнь Шиллера, его бѣгство изъ Штутгардта, переписку его съ Гумбольтомъ, Марбаха о новой литературѣ. Видите, сколько покупаю милые мои родители. Я пробѣжалъ нѣсколько мѣстъ изъ жизни Шиллера. Да, мнѣ свободно здѣсь, въ этомъ германскомъ элементѣ, и, вѣроятно, изъ всѣхъ народовъ только одинъ германскій можетъ быть такъ близокъ мнѣ. Какъ понятны мнѣ всѣ эти мысли, вся эта жизнь, все это направленіе! Съ нѣмцами соединяюсь я здѣсь въ общемъ; они достигли до той степени, на которой уже они доступны для всякаго человѣка, какой бы то ни было націи, если только онъ возвысится до этой степени. Здѣсь національность перестаетъ быть препятствіемъ; здѣсь истинно жизнь общая⁵⁶). И если въ это время вспомнить французовъ, ихъ литературу, ихъ умствованія—смѣшно станеть, да смѣшны и тѣ, которые ими восхищаются. Я думаю о словѣ, о законахъ его, которые меня такъ сильно занимають... Все это такъ соединяется со всѣмъ, что я читаю, что я чувствую здѣсь, въ нѣмецкой сферѣ; но со всѣмъ тѣмъ національность нисколько не уничтожается: я—русскій, русскій, остаюсь русскимъ, но теперь только въ Германіи (т.-е. въ просвѣщеніи ея) могу находить такую полную отраду и потомъ идти своимъ путемъ; новыя силы чувствую я въ себѣ, и знаю, что жизнь моя будетъ развиваться и будетъ непременно русская въ своемъ развитіи. Да, это не противорѣчитъ, это ясно для меня, и я съ полною откровенностью и любовью живу здѣсь, въ этой сферѣ германскихъ мыслей и чувствъ, германскаго просвѣщенія,—сферѣ, въ которой я чувствую себя свободнымъ, гдѣ мнѣ легко и отрадно. Изучать должно нѣмцевъ, и я стану это дѣлать. Спрошу, нѣтъ-ли чего объ общихъ законахъ слова. Здѣсь прекрасная лавка, и есть маленькая надежда достать музыку

⁵⁶) Интересно сопоставить здѣсь это *русское* отношеніе къ нѣмцамъ съ тѣмъ *нѣмецкимъ* отношеніемъ къ русскимъ, которое въ то же самое время наблюдалъ К. С. Аксаковъ и о которомъ онъ рассказываетъ въ письмахъ XV и XVI. Какъ характерна эта разница между *широтой* русскаго и *узостью* нѣмецкаго націонализма!

Гофмана. Но я теперь вамъ разскажу по порядку, милые, дражайшіе родители мои, о моемъ пребываніи въ Дрезденѣ.

Въ первый день слышалъ я органъ въ католической церкви и оттуда пошелъ на выставку картинъ, которая находится на этой Brullische Terrasse. Сейчасъ услышалъ, что здѣсь Государь и Государыня, о Наслѣдникѣ же не знаютъ. На этой выставкѣ было нѣсколько прекрасныхъ картинъ, особенно ландшафтовъ. Оттуда воротился я въ свою гостиницу, гдѣ пообедалъ, а послѣ обѣда отправился вмѣстѣ съ лонбединтеромъ въ Sinnisches Bad, гдѣ гулянье; у меня также былъ взятъ билетъ въ театръ, который находился на этомъ гуляньѣ. Было нестерпимо жарко. Я съѣлъ мороженого и поподчивалъ лонбединтера. Это гулянье понравилось мнѣ: очень просто, нецеремонно. Въ 6 часовъ пошелъ я въ театръ. Играли маленькую оперу (farce). Голоса (пѣніе) мнѣ понравились и даже игра актеровъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ грубыхъ выходокъ, которыхъ много въ пьесѣ. Интересно было видѣть зрителей, которые такъ отъ души, такъ добродушно смѣялись всякому малѣйшему смѣшному движенію. Когда же на сценѣ сѣли за столъ и стали ѣсть, то нѣмцы пришли въ восторгъ, и хохотъ не умолкалъ. Затѣмъ слѣдовалъ маленькій девертисментъ. Я не раскаивался, что пошелъ въ театръ: интересно видѣть, чему смѣются нѣмцы, какъ въ ихъ пьесахъ отражается простая народная жизнь.—Послѣ театра пошелъ я одинъ домой, сбился было съ дороги, но нашелъ ее, однако же, и пришелъ въ свою гостиницу.

На другой день рано проснулся я, чтобы идти въ Оружейную Палату. Лонбединтеру я заплатилъ, что слѣдовало, и вотъ я вошелъ: тамъ много рѣдкостей, и нѣкоторыя изъ нихъ были для меня занимательны. Мы вошли въ комнату вооруженій; я увидалъ здѣсь цѣлый строй рыцарей пѣшихъ и на лошадахъ, съ перьями на шляпахъ, съ копьями въ упоръ. Исполнились желанія мои: наконецъ, я вижу настоящіе доспѣхи тѣхъ временъ. Иныя латы были чрезвычайно богаты, украшены золотомъ, рѣзбой, иныя стальные, иныя черныя. Я замѣтилъ одно вооруженіе такого размѣра, что, кажется, трое такихъ, какъ я, могли бы тамъ умѣститься. Тутъ были копья, употребляемыя только въ поединкахъ: тяжелыя и огромныя, боевыя копья, турнирные,— все располо-

жено въ порядкѣ. Хотѣлось-бы надѣть полное рыцарское вооруженіе! И я бы ломалъ копья на турнирахъ, если бы мы жили еще въ среднихъ вѣкахъ. Потомъ видѣли мы позднѣйшее оружіе; наконецъ, шляпу Петра Великаго и сапоги Наполеона. Тутъ же были: мечъ Томаса Мюнцера—лезвіе сохи, обдѣланное въ рукоять, и копья мужиковъ, тоже косы, посаженные на древкѣ. Потомъ отправились мы въ *das grüne Gewölbe* (зеленый сводъ); тамъ видѣли много драгоценностей, на которыя, впрочемъ, я смотрѣлъ довольно равнодушно. Оттуда прошелъ я въ картинную галлерею. Я былъ уже утомленъ, но такъ какъ въ слѣдующіе дни она должна быть заперта, то я не хотѣлъ пропустить времени. Множество картинъ окружило меня. Я тутъ же купилъ описаніе, хотѣлъ было осматривать все самымъ подробнымъ образомъ, но увидалъ, что это будетъ слишкомъ. Нѣкоторыя картины остановили меня; но напишу подробно, когда посмотрю еще разъ. Скажу лишь, что Рафаэлева мадонна не сдѣлала на меня впечатлѣнія, но ночь Корреджіева прекрасна! Впрочемъ, на свободѣ, въ бодромъ, свѣжемъ расположеніи должно разсматривать эту картинную галлерею, и не разъ, и не два; нынче я бы пошелъ, но она заперта.

Сейчасъ послалъ на почту: авось, не будетъ-ли писемъ отъ васъ, дражайшіе родители мои?—Отправлю это письмо (оно девятое отъ Петербурга). Нѣтъ, нѣтъ писемъ! Какъ неприятно! Не будетъ ли завтра, можетъ быть? Я напишу, думаю, еще третье письмо отсюда. Скоро день вашихъ именинъ, милая, дражайшая моя маменька ⁵⁷⁾. Почти всегда вмѣстѣ проводили мы этотъ день,—теперь я далеко отъ васъ... Но и отсюда такъ же, какъ бы и близъ васъ, поздравляю васъ, дражайшая моя маменька, и цѣлую крѣпко ручки ваши и ваши также, дражайшій мой отесенька, и васъ поздравляю также съ общимъ нашимъ семейнымъ праздникомъ! Не грустите, прошу васъ; думайте, что мнѣ это путешествіе будетъ полезно. О, да дастъ Господь Богъ всего благого вамъ, милая маменька, милые, дражайшіе родители мои! Дай Боже, чтобы вы были здоровы, а объ моемъ здоровьи нечего и думать: я крѣпокъ ужасно. Братъевъ и сестеръ цѣлую и обни-

⁵⁷⁾ Ольга Семеновна Аксакова была именинница 11 іюля.

маю. Обнимите также за меня добраго Михаила Петровича ⁵⁸⁾ и Михаила Семеновича ⁵⁹⁾, которые, вѣрно, будутъ у васъ въ этотъ день. Вѣрно, многое изъ моихъ писемъ знаетъ Михаилъ Петровичъ. Но теперь я не успѣваю много писать, потому что нигдѣ не живу еще долѣе недѣли, и много такого, что занимаетъ и отвлекаетъ меня безпрестанно. Вчера, желая купить себѣ простую сподручную палку, я пошелъ въ одну лавку, но не выбралъ по себѣ. Продавецъ показаль намъ бѣлую пѣнковую трубку съ портретомъ Государя, хорошо вырѣзаннымъ. Мнѣ, какъ русскому, особенно показываль онъ ее и съ гордостью говорилъ, что самъ вырѣзаль. „А видите ли,—продолжалъ онъ,—на трубкѣ спящій левъ? а? недурно? будить его опасно“.—Да, прекрасно,—отвѣчалъ я.—„А? это символъ, и я самъ придумаль... Кстати?“—Да, да,—отвѣчалъ я,—очень хорошо.—Нѣмецъ былъ очень доволенъ. И онъ правъ: Россія могущественна, въ этомъ нѣтъ никакого спора.

Завтра хотѣлось бы мнѣ идти въ Саксонскую Швейцарію. Я купилъ себѣ родъ блузы—Haub-Mantel, какъ называютъ нѣмцы, и заплатилъ за это рублей 8. Поищу палки. За мытье здѣсь заплатилъ я (за 4 штуки) одинъ рубль, т.-е. 6 грошей саксонскихъ, въ которыхъ уже не 12, а 15 нашихъ копѣекъ и 9 пфен. (то, что наши копѣйки). Вообще я сержусь на себя за то, что истратилъ здѣсь больше, нежели это можно было. Должно быть экономнѣе. Напримѣръ, нынче вздумаль я купить пукъ нечивеныхъ перьевъ (24 пера, кажется ⁶⁰⁾); съ меня спросили 7 грош. (т.-е. 1 руб. 5 коп.). Я не торгуюсь, а отказаться было совѣстно,—итакъ взялъ, дѣлать нечего.

Нынче концертъ въ Большемъ Саду. Я пошелъ туда, но уже поздно; билета не взялъ и такъ ходилъ.

Тамъ видѣлъ я нашего Государя, который обогналъ меня въ колясочкѣ съ Государыней. Онъ былъ въ статскомъ платьѣ и въ круглой шляпѣ. Я поклонился Ему, на что и Онъ отвѣчалъ мнѣ также.

Какъ жалѣлъ я, что не взялъ съ собою книги: читать и писать здѣсь было бы прекрасно.

⁵⁸⁾ М. П. Погодинъ, профессоръ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, издатель журнала *Москвитянинъ*, другъ семьи Аксаковыхъ.

⁵⁹⁾ М. С. Щепкинъ, извѣстный артистъ, другъ семьи Аксаковыхъ.

⁶⁰⁾ Гусиньяя перья для письма.

Но вотъ и второе мое письмо къ концу, милые, дражайшіе родители. Крѣпко цѣлую ваши ручки.

Въ третьемъ письмѣ, вѣроятно, уже буду говорить вамъ о Саксонской Швейцаріи. Я было совсѣмъ собрался идти завтра рано по утру, чтобы, воротясь, осмотрѣть въ Дрезденѣ остальное. Теперь, кажется, все еще заперто; слѣдовательно, осматривать нечего, а времени терять мнѣ бы не хотѣлось. Къ тому же, мнѣ очень хочется отправиться бродить пѣшкомъ; но не знаю, пойду ли завтра; думаю, что, по крайней мѣрѣ, дождусь почты, и хотя (хотѣлось выйти рано утромъ) пойду, но уже около обѣда.

Нынче въ саду шли передо мною мужчина и дама, и вдругъ русскія слова: „должна быть благоразумною; должна знать, что значить жена для мужа“... Это говорилъ мужчина; дама отвѣчала что-то. Я отошелъ далѣе и слышалъ нѣсколько словъ: „ilusions, les illusions passent“. Я думаю теперь здѣсь много русскихъ.

Но прощайте, милые, дражайшіе родители мои. Пишу вамъ много, и, Богъ дастъ, осенью, я думаю, буду съ вами, мои милые родители.

Вашъ Костенька.

XX.

Третье письмо изъ Дрездена, 1838 г. 11/23 Іюля.

Приписка сверху.

Я такъ глупо сдѣлалъ, что купилъ такую тяжелую бумагу, за которую, вѣроятно, милые, дражайшіе родители мои, вы заплатите гораздо дороже⁶¹⁾.

Наконецъ, я получилъ письмо отъ васъ, милые, дражайшіе родители,—письмо небольшое, но, слава Богу, вы здоровы. Я ждалъ еще второго письма въ Дрезденъ, и очень, очень мнѣ странно: его нѣтъ до сихъ поръ. Можетъ быть, вы адресовали его далѣе, милые родители мои.

Вотъ уже больше недѣли, какъ я въ Дрезденѣ. Въ продолженіи этого времени я былъ въ Саксонской Швейцаріи и только вчера вечеромъ возвратился.

⁶¹⁾ Въ то время письма въ Россіи оплачивались получателемъ.

Вотъ вамъ подробный разсказъ, милые, дражайшіе мои родители.

Во вторникъ написалъ я письмо вамъ (второе изъ Дрездена), въ которомъ говорю, что собираюсь идти въ Саксонскую Швейцарію, чтобы не пропустить времени, и потомъ опять ворочусь въ Дрезденъ. Но прежде, нежели идти, я рѣшился дожидаться почты, надѣясь получить письмо; но почта не привезла писемъ,—и такъ я долженъ былъ идти, не дождавшись извѣстія отъ васъ, дражайшіе родители мои. Еще наканунѣ купилъ я себѣ родъ блузы, довольно красивой, и дубовую палку. Теперь (это было 10 часовъ утра) сталъ я снаряжаться въ путь: надѣлъ чистую рубашку, а сверхъ нея, безъ жилетки и безъ галстука, мою блузу, отложилъ бѣлые воротнички рубашки, подтянулъ свой поясъ, повѣсилъ суму и устроилъ свою фуражку самымъ романтическимъ образомъ, такъ что она не только не безобразила, но, напротивъ, придавала лицу какой-то рыцарскій видъ. Когда въ костюмѣ, съ фуражкой на головѣ, съ сумой черезъ плечо и съ палкой въ рукѣ, взглянулъ я на себя въ зеркало, то я, по внутреннему убѣжденію, былъ очень, очень интересенъ и походилъ на юношу среднихъ вѣковъ. Я оставилъ свои вещи на руки трактирщику и, уложивъ все какъ слѣдуетъ, бодро вышелъ изъ дому. Уже было довольно жарко, и на улицахъ было много народу: нѣкоторые поглядывали на странное мое одѣяніе. Я нашелъ дорогу, по указанію лонбединтера, и, наконецъ, вышелъ изъ города въ поле, одинъ, совершенно одинъ, пѣшкомъ. Я шель скоро и весело. Мнѣ попадались навстрѣчу люди, съ которыми я разбѣнивался поклонами и привѣтствіями, по обычаю нѣмецкому. Я прошелъ уже довольно далеко, когда, поглядѣвъ въ свою путеводную книжку, усомнился, по той ли дорогѣ я иду. Мнѣ попался одинъ нѣмецъ, который шель въ Пильницъ (я долженъ былъ идти тоже въ этотъ городъ); у него спросилъ я: гдѣ Лонгвицъ, Валвицъ и другія мѣста, черезъ которыя я долженъ былъ пройти? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это другая дорога въ Пильницъ, по нагорному берегу Эльбы, и что я уже далеко отошелъ, потому онъ и предлагалъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ; но я отказался, сказавъ, что хочу осмотрѣть эти деревни, что я—иностранецъ и намѣренъ обойти Саксонскую Швейцарію. „Вы изъ Швейцаріи?“—Нѣтъ,

я иностранецъ.—„Я знаю, но я спрашиваю Васъ: не изъ настоящей ли вы Швейцаріи?“—Нѣтъ, я русскій. „Какъ!“ Ояъ удивился и спросилъ меня, видѣлъ-ли я нашего Государя. Я отвѣчалъ, что видѣлъ, а онъ сказалъ мнѣ, что идетъ для того въ Пильницъ. Итакъ я поблагодарилъ его и отправился назадъ, вдоль по берегу, чтобы переѣхать на лодкѣ въ Лонгвицъ. Переѣхавъ вмѣстѣ съ толпою старыхъ нѣмокъ, возвращавшихся съ корзинами изъ города, я вошелъ въ деревню Лонгвицъ, построенную у самой горы, и, прошедши вдоль по ручью, я зашелъ было въ горы и чуть было опять не сбился съ дороги, но, посмотрѣвъ въ книгу и спрашивая добрыхъ людей, опять нашелъ ее и продолжалъ свой путь. Я прошелъ деревни: Лонгвицъ, Валвицъ, Нидеръ-Боерицъ, Гостевицъ, имена которыхъ звучатъ такъ по-славянски. Было очень жарко. Сначала сума моя показалась мнѣ тяжела, но я скоро привыкъ къ ней. Дорога была очень пріятна: то тамъ, то здѣсь открывались прекрасные виды; я шелъ у подошвы высокихъ горъ, напоминавшихъ мнѣ наши Оренбургскія. Такимъ образомъ пришелъ я въ Пильницъ, не желая тамъ нимало останавливаться, а vybrаться поскорѣе въ поле, подальше отъ города. До сихъ поръ эти мѣста еще не походили на деревенскія. Я проголодался, усталъ и вошелъ въ первый дсмикъ, который мнѣ указали. Тамъ спросилъ я себѣ стаканъ воды, хлѣба и стаканъ молока (сыра и масла у нихъ не было); тутъ я отдохнулъ немного, снялъ свою суму и поѣлъ съ аппетитомъ, который отъ ходьбы и отъ того, что давно я не ѣлъ ничего, былъ очень великъ. Не долго продолжался мой отдыхъ, и я опять, съ сумой на плечѣ и съ палкой въ рукѣ, продолжалъ свое путешествіе. Въ Оберъ-Боерицѣ я поѣлъ сыра и масла съ хлѣбомъ и своротилъ, наконецъ, съ большой дороги на проселочную. Одинъ, одинъ былъ я въ полѣ; я прошелъ горы, подлѣ которыхъ лежала моя дорога, которая была у меня теперь въ лѣвой сторонѣ; но вдали вокругъ синѣлись другія горы, къ нимъ-то и лежала моя дорога. Подъ горой было маленькое селеніе и вокругъ него разноцвѣтная зелень, полосы созрѣвающаго и созрѣвшаго хлѣба; но когда я прошелъ дальше и дошелъ до Гресс-грауне, тогда еще лучше открылся видъ передо мною, еще явственнѣе были синѣющія горы. Какъ пріятно было мнѣ смотрѣть на деревню, какъ

хороши были деревья съ темною зеленью, которыя маленькою роицей стояли предо мной! Отсюда, разумѣется, все спрашивая, я пошелъ въ Глатерассенъ.

Но до завтра прощайте, милые, дражайшіе родители мои,—завтра—продолженіе путешествія, всѣхъ маленькихъ событій и вообще всего моего здѣсь пребыванія. Прощайте, милые, дражайшіе родители, до завтра, до завтра.

12/23 іюля.

Итакъ, скоро дошелъ я до Глатерассена, и первое, что увидалъ я, была мельница. Вы знаете, какъ вообще я люблю мельницы! Вода такъ быстро, такъ сильно бѣжала на колеса. Но какъ я удивился, какъ былъ пораженъ, когда, поднявши глаза, увидалъ, что мельница построена у высокаго отвѣснаго утеса! Это былъ первый утесъ, мною видѣнный. Я прошелъ нѣсколько шаговъ, и предо мной потянулись въ два ряда, широкою улицей, голые отвѣсные утесы; кое-гдѣ росла зелень и деревья; два ряда утесовъ были здѣсь довольно отдалены другъ отъ друга и образовали долину, по которой такъ быстро бѣжала рѣка Везерицъ. Она раздѣлялась здѣсь на два рукава и обими рукавами падала на колеса; земля здѣсь покрыта обломками камня и сочною травой. Мѣсто прекрасное; вечеръ былъ чудный. Я сѣлъ на камень, положилъ свою суму и долго сидѣлъ тихо; рѣка шумѣла, ручей журчалъ; въ нѣсколькихъ шагахъ стучала мельница, а надо мной возвышались и тянулись вдаль огромныя скалы. Народъ былъ въ полѣ, убиралъ сѣно. Я всталъ, подошелъ и спросилъ, можно-ли здѣсь искупаться. „Можно, — отвѣчали мнѣ, — вода хорошая“. Я подошелъ къ Везериду; онъ бѣжитъ по камнямъ и очень неглубокъ. Я раздѣлся, сошелъ въ воду и купался, какъ могъ. рѣка быстра, но мѣловая вода нѣсколько пловата. Меня освѣжило и ободрило это купанье. Я почувствовалъ себя живѣе и крѣпче: пробылъ еще нѣсколько минутъ въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ и пошелъ далѣе между утесовъ. Какъ шумно бѣжитъ Везерицъ, сколько мельницъ стоитъ на немъ и меляетъ только частью его воды! Мнѣ нужно было идти въ деревню Либеталь. Я шелъ все между утесами, и, дошедши до мельницы, сталъ спрашивать мельника о дорогѣ. Онъ догадался, что я—русскій, и съ улыбкой сказалъ: „я знаю, знаю, вы—сынъ русскаго графа и путешествуете“.

Я увѣрялъ, что я не графъ, но онъ только улыбался на это. Я собирался уже идти дальше по его указанію, какъ замѣтилъ другихъ двухъ путешественниковъ пѣшкомъ, которые шли отъ Глотерассена, въ соломенныхъ шляпахъ, съ ранцами за спиной. Не имѣя желанія знакомиться, я пошелъ далѣе и остановился надъ рѣкой, гдѣ она текла съ особенною быстротой и шумомъ. Путешественники подошли ко мнѣ и поклонились учтиво. Я отвѣчалъ тѣмъ же. Мы стали разговаривать, быстро познакомились, и, узнавъ, что я иду по одному пути съ ними, они предложили мнѣ идти вмѣстѣ. Я согласился съ охотой. Видно было, что это славные, добрые люди. Одинъ изъ нихъ былъ уже въ Саксонской Швейцаріи и потому нѣсколько знаетъ ее, да и отказаться было бы неучтиво; съ другой стороны, мнѣ было нѣсколько жаль, что я буду не совершенно одинъ. Одинъ я было хотѣлъ остановиться въ мѣстечкѣ Ломенъ, но они шли дальше до Bastei, и я согласился охотно. Наша тропинка пошла въ гору, и мы по каменнымъ утесамъ взобрались на одну изъ сторонъ утесовъ, которые тутъ уже были гораздо ближе другъ къ другу. Взобравшись, мы быстро шли по ровной зеленой долинѣ.—Я узналъ, что мои товарищи были прусскіе поляки, совсѣмъ овѣмечившіеся; они забыли почти совершенно свой языкъ и гордились славой Пруссіи и тѣмъ, что они пруссаки. Такъ будетъ и со всѣми поляками: они примутъ совершенно отпечатокъ народа, которому покорены, и войдутъ въ составъ этого народа, какъ новый элементъ его жизни. Смѣшно было видѣть, когда одинъ изъ нихъ хотѣлъ что-нибудь произнести по-польски, такъ, для шутки только, но оба они—настоящіе нѣмцы. Они спросили, какъ меня зовутъ; я сказалъ: „Аксаковъ“. Какого труда стоило имъ запомнить мое русское имя, какъ часто говорили они, ошибаясь: „Аскова“, „Москова“ и, наконецъ, „Пугачевъ“, про котораго удалось имъ какъ-то слышать. Славные люди! Я съ удовольствіемъ вспоминаю о нихъ. Это были два брата Кобликъ. Можно было видѣть, какъ они любили другъ друга; одинъ изъ нихъ—архитекторъ, другой—юристъ; оба получили образованіе и читали Шиллера, Кернера и часть Гете; но, конечно, ихъ не волнуютъ глубоко высшіе интересы жизни. Мнѣ весело было смотрѣть на нихъ: они были безъ всякой претензіи, вѣжливы, веселы. Мы скоро коротко познакоми-

лись; они, кажется, тоже полюбили меня. Уже былъ вечеръ; я былъ въ пріятномъ расположеніи духа; нашъ бодрый шагъ. прекрасное поле, толпы народа, попадавшіяся намъ близъ деревни, съ которыми мы размѣнивались привѣтствіями — все было такъ хорошо! Скоро должны мы были опять спуститься по крутой, почти прямой тропинкѣ въ ущелье (близъ деревни Мюльсдорфъ). Тамъ перешли мы черезъ мостъ у мельницы. Везерицъ въ этомъ мѣстѣ образовывалъ водопадъ; утесы были очень узки; мѣсто дикое, прекрасное. Нѣсколько минутъ постоялъ я здѣсь и пожалѣлъ, что не былъ здѣсь одинъ. Мы должны были взобраться на крутую противоположную тропинку и пошли опять по ровному полю. Мы оставили въ сторонѣ мѣстечко Ломенъ, и такъ какъ младшій братъ Кобликъ (бывшій уже здѣсь) забылъ дорогу, то мы взяли маленькаго проводника. Мы подходили къ Оттованде, снова спустились съ крутой и гораздо болѣе высокой скалы по тропинкѣ и пошли въ ущелье между утесовъ. Какое мѣсто! Уже было темно. Утесы разныхъ формъ стояли по сторонамъ, ущелье было чрезвычайно узко, и по срединѣ бѣжалъ маленькій ручеекъ, который то утихалъ, то журчалъ, то съ шумомъ бѣжалъ чрезъ камни; это былъ какъ бы голось этого мѣста, какъ бы духъ, который жилъ здѣсь и одушевлялъ своимъ присутствіемъ этотъ дикій пріютъ. Если бы я шелъ одинъ, признаюсь, не знаю, что бы со мною было, какой бы ужасъ (Schauer) напалъ на меня. Но насъ было четверо, и, слѣдовательно, я только отчасти испыталъ этотъ таинственный ужасъ. Ущелье и камни имѣютъ каждый свое названіе: „Чертова кузня“, „Пять братьевъ“ и пр. Мы подошли къ такъ-называемой „Залѣ“. Огромный утесъ высовывался изъ скалы и образовывалъ ровный потолокъ. Здѣсь, говорятъ, были прежде разбойники. Вдругъ мелькнулъ огонекъ: это гостиница въ ущелии. Мы прошли мимо, ущелье суживалось болѣе и болѣе, и, наконецъ, образовало ворота. Вѣроятно, огромный камень сорвался со своего мѣста и нѣкогда накрылъ узкій путь между утесами. Мы прошли въ эти ворота и стали нѣсколько подыматься въ гору. Удивительно, какъ растутъ деревья, какъ лѣпятся они по утесамъ. Мы видѣли сосну, корень которой спускается совсѣмъ наружи, по камнямъ. Сосна, дошедъ до зелени, тамъ находитъ себѣ пищу. Входя на гору, я сталъ нѣсколько уставать и

часто спрашивать: далеко-ли до мѣста? Цѣлый день я былъ на ногахъ и цѣлый день несъ на плечѣ свою тяжелую суму. Наконецъ, взобрались мы. Bastei! Bastei! Приятно было отдохнуть теперь. Мы взяли трое комнату и спросили поужинать. Мои новые пріятели очень опрятны, какъ и всѣ нѣмцы, и заставили меня умыть и руки и ноги. Я чувствовалъ, что правое плечо у меня немного болѣло. Наконецъ, мы всѣ заснули. Такъ кончился первый день моего путешествія. Кобликъ сказалъ мнѣ: „Herr, Herr, Askowa, взгляните въ окно“. Я посмотрѣлъ: вокругъ были цѣлая гряды и купы утесовъ и скаль. Я вскочилъ, одѣлся и пошелъ поскорѣе посмотрѣть получше мѣстоположеніе, не дожидаясь моихъ товарищей, которые съ нѣмецкою аккуратностью и мѣшкотностью записывали свои издержки. Довольно спокойная дорожка привела меня на край утеса, обнесеннаго желѣзною рѣшеткой,— и какой видъ былъ передо мной! Тутъ было еще не очень страшно, и потому я могъ спокойно смотрѣть во всѣ стороны. Передо мною по срединѣ изгибалась Эльба, около нея нѣсколько избъ, поля съ яркою зеленью и съ желтѣющимъ хлѣбомъ; на небольшомъ скатѣ съ одной стороны тутъ возвышались болѣе и болѣе горы и двѣ огромныхъ скалы (Koenigstein и Lilienstein), а далѣе синѣютъ и поднимаются холмами. Съ другой стороны высятся утесы, на одномъ изъ которыхъ стоялъ я тогда. Люди сверху кажутся такъ малы, что ихъ едва замѣтить можно; лодки кажутся крошечными. Я пошелъ еще на другіе утесы, которые соединены смѣлыми мостиками, перекинутыми черезъ пропасти, немножко страшно было, когда мостикъ трещалъ подъ моими ногами. Утесы испещрены именами путешественниковъ; я написалъ нѣсколько русскихъ. На этомъ мѣстѣ догнали меня мои товарищи и повели меня на другіе утесы. На одинъ надо было влѣзть по ступенькамъ, плохо въ немъ выбитымъ; всходъ былъ у самаго края, и плохія перила въ одну палку только огораживали эту лѣсенку; съ нея надо было перейти черезъ узенькій мостикъ въ нѣсколько дощечекъ на другой близкій утесъ и взглянуть оттуда на окрестность. Вы знаете, милые, дражайшіе родители мои, что я не очень храбро могу глядѣть сверху внизъ, и потому я немножко пріостановился передъ такимъ путемъ; но вдругъ ободрился, влѣзъ, перешелъ мостикъ и взглянулъ вокругъ: видъ, конечно, былъ

прекрасный, но я да и мои товарищи также простояли тамъ недолго и слѣзли опять. Мы воротились въ гостиницу, взяли опять проводника и пошли дальше, чтобы нынче переночевать въ Шандау. Прежде осмотрѣли мы Бастейскіе утесы, и тутъ, признаюсь, только одинъ стыдъ заставлялъ меня не отставать отъ другихъ. Между прочимъ здѣсь есть канале (такъ называется утесъ). Это канале выдолблено на очень неширокомъ камнѣ. Я слѣлъ поскорѣе и поплотнѣе на это канале, на которомъ мы остались нѣсколько минутъ. Но тутъ есть еще утесъ, который называется Rosenbett (Розовая постель). Пусть кто хочетъ, а ужъ вѣрно не я стану отдыхать на этой постелѣ. Это утесъ, выдавшійся надъ другими; въ немъ небольшое мѣсто, и еще покатое, кажется, и на этомъ мѣстѣ стояли мы. Вотъ рисунокъ, милые, дражайшіе родители мои. (*Приложенъ рисунокъ*).

Благополучно спустились мы съ утесовъ по довольно отлогой тропинкѣ, чтобы дойти до водопада, который находится между скалъ и называется Амсельфаль. Мы шли вдоль ручья. Къ намъ подошелъ одинъ нѣмецъ, портной, необразованный и глупый малый, который безпрестанно лѣзъ выше своего состоянія, надоѣлъ всѣмъ и отсталъ, наконецъ. Итакъ дошли мы, наконецъ, до водопада, гдѣ сдѣлана хижинка, частью изъ нагнувшагося утеса, частью изъ досокъ. Тутъ мы позавтракали, посмотрѣли на водопадъ, небольшой, но красивый, падающій съ грота, который образовали вмѣстѣ свалившіеся камни. Тутъ устроена маленькая ручная мельница объ одномъ жерновѣ, которая приводится въ движеніе водопадомъ.

Отдохнувъ, мы пошли далѣе. У одного изъ Кобликовъ купилъ я виды Саксонской Швейцаріи за 1 талеръ. Мы взобрались на гору, чтобы придти на Hochstein и потомъ на Гонштейнъ, гдѣ находятся еще довольно крѣпкіе остатки замка. Наконецъ, пришли мы на этотъ утесъ; чтобы стать на него, должно было перейти черезъ маленькій мостикъ, соединявшій съ нимъ другой утесъ. Гонштейнъ—высокій, отвѣсный утесъ; площадь его совсѣмъ не такъ велика, чтобы можно было спокойно любоваться прекраснымъ видомъ на долину, надъ которою онъ высоко поднимается. По пріѣздѣ я покажу вамъ, милые, дражайшіе родители, видъ этого утеса. ..Теперь,—сказалъ намъ проводникъ,—чтобы

спуститься въ долину, передъ нами двѣ дороги“. Одна изъ нихъ довольно пологая, но это большой крюкъ. Поэтому мы выбрали другую дорогу, покороче, сквозь Wolfschlucht (Волчья рывина), т.-е. намъ должно было спуститься сквозь трещину или разсѣлину въ утесъ, въ которую только-что пролѣзть можно было. „Какъ!—сказалъ Кобликъ старшій,—сквозь трещину? Не лучше ли обойти?“—Обходить далеко,—сказалъ проводникъ. „А лучше бы обойти“,—сказалъ я. Сначала сходить былъ сношень, но когда мы подошли къ самой трещинѣ, въ которую вбиты были палочки и отъ нихъ шла совершенно прямая лѣстница, когда товариши мои стали спускаться задомъ, тогда я, не очень весело поглядѣвъ на путь, который былъ передо мною, сказалъ: „Э! э! господа, спасибо! Завели вы меня Богъ знаетъ куда! въ проклятую трещину! покорно благодарю!“ Но дѣлать было нечего. Я полѣзъ, браня внутренно охоту таскаться по такимъ разсѣлинамъ. Съ одного мѣста взглянули мы на мостикъ, на которомъ стояли и который висѣлъ между двухъ утесовъ. Долго спускались мы, хотя дорога была къ концу безопасна (да и вообще не такъ опасна), однако же, очень неудобна; потому мы долго сходили, а это очень утомляетъ. Наконецъ, вышли мы въ прекрасную долину и бросились на мягкую траву; недалеко бѣжала рѣчка Польнець; я подошелъ и напился воды. Передъ нами былъ Гонштейнъ, на который еще предстояло намъ взобраться, и, наконецъ, замокъ того же имени.

(Приписка сверху. Другой листъ, 5-ая страница).

Всѣмъ знакомымъ: кому кланяюсь, кого обнимаю. Къ Бѣлинскому и Боткину ⁶²⁾ самъ напишу. М. П., М. С. и Н. Ф. ⁶³⁾ обнимаю. Перо не хорошо, чернила скверныя, милые, дражайшіе родители мои, и потому пишу такъ скверно,—самому досадно.

Еще въ Bastei видны были развалины, совсѣмъ почти исчезнувшія, рыцарскаго замка, построеннаго на этихъ уте-

⁶²⁾ Василія Петровичъ Боткинъ, авторъ „Писемъ объ Испаніи“.

⁶³⁾ Погодина, Щепкина и Павлова.

сахъ, на которыхъ сохранились еще многіе слѣды пребыванія человѣка: видны еще колен дороги, по которой возили въ замокъ припасы; но замокъ, находившійся передъ нами, сохранился довольно хорошо. Дорога, по которой шли мы на противоположныя горы, была гораздо покойнѣе. Мы осмотрѣли, сколько могли (всѣ двери были заперты), замокъ, который былъ прилѣпленъ къ утесу: говорятъ, что отсюда бросилась какая-то заключенная княжна.

Пошли мы далѣе. Изъ Гонштейна пришли въ Брандъ. Отсюда тоже прекрасный видъ. Тутъ сидѣло уже много путешественниковъ, завтракавшихъ и пившихъ пиво. На Брандѣ есть гротъ, въ который вставлены разноцвѣтныя стекла; они придаютъ какой-то фантастическій видъ прекрасному ландшафту, лежащему подъ утесомъ. Въ Брандѣ осмотрѣли мы нѣсколько гротовъ и въ одномъ изъ нихъ нашли стихи, написанные четко и крупными буквами. Эти стихи понравились моимъ товарищамъ, хотя въ нихъ ничего особеннаго не было; они сейчасъ же стали списывать ихъ и спросили меня, не спишу-ли и я также. „Можетъ быть“, отвѣчалъ я, — и вдругъ, обратившись къ нимъ, прочелъ имъ эти стихи наизусть. Они были чрезвычайно удивлены, и, по выходѣ изъ грота, просили меня еще разъ прочесть; я повторилъ; они пытались сами сказать наизусть, но никакъ не могли всего запомнить и еще больше удивлялись моей памяти. Дорога отъ Бранда до Шандау—самая пріятная, идетъ возлѣ горъ, возлѣ ручьевъ и рѣчекъ, которыхъ много бѣжитъ въ долину.

Мы пришли въ Шандау и остановились тамъ въ одной гостиницѣ. Я не взялъ съ собой своего паспорта: въ гостиницѣ меня увѣряли, что это не нужно, что я могу пройти до самаго Теплица съ одною такъ называемою Aufenthalt'scarte, т.-е. съ однимъ свидѣтельствомъ о мѣстѣ жительства. Я такъ и сдѣлалъ, но на дорогѣ мнѣ сказали, что этого нельзя сдѣлать. Кобылкамъ хотѣлось идти вмѣстѣ со мною: они даже уговаривали меня ѣхать съ ними въ Карлсбадъ, оттуда въ Лейпцигъ, а оттуда въ Гарцъ. Но я не соглашался, и рѣшилъ идти съ ними лишь до границы, и если пустякъ, взглянуть на Теплицъ, который очень близко, а если нѣтъ, то воротиться назадъ въ Дрезденъ. Череночевавъ въ Шандау, прекрасномъ городкѣ, рано по утру отправились мы въ

путь и пришли въ Кушталь. Чудное мѣсто! Оно понравилось мнѣ лучше всего видѣннаго раньше. Утесы здѣсь образуютъ сводъ на краю высокой горы, съ которой открывается прекрасный видъ. Тутъ нѣсколько человѣкъ содержатъ гостиницу; дѣвушка и двое молодыхъ людей играютъ тутъ на разныхъ инструментахъ. Мнѣ было очень пріятно въ этомъ чудномъ мѣстоположеніи вдругъ услышать музыку, звуки арфы и женскій пріятный голосъ! Какъ хорошо раздается онъ подъ этимъ сводомъ! Прекрасно, но у моихъ товарищей была смертная охота лазить,—и вотъ полѣзли они на сводъ и меня потащили съ собой. Карабкаясь по разнымъ ущельямъ и всходамъ, пролѣзая иногда на четверенькахъ подъ наклономъ утесовъ, осмотрѣвъ, наконецъ, всѣ аллеи свода, воротились опять мы на свое мѣсто, гдѣ позавтракали (хлѣбъ, сыръ, масло), и пошли далѣе. Сошли съ горы—и опять стали взбираться на другую, превысокую гору; я отдалъ суму свою проводнику и пошелъ первый, но усталъ ужасно и раскраснѣлся весь. Мы взглянули отсюда назадъ на Кушталь и увидали, что онъ гораздо ниже этой горы, которая называется Винтербергъ. Походивъ немного, прошли мы къ другой горѣ, которая называется Grosser Winterberg. Тутъ тоже была музыка, видъ былъ прекрасный! Богемскія горы видны были очень ясно. Я съѣлъ здѣсь свѣжій огурецъ. Тутъ построена лѣстница съ маленькою площадкой, на которую я сходилъ, но простоялъ недолго. Мы снова спустились съ горы, снова взошли на гору и пришли къ мѣсту Пребишторъ. Это родъ моста, который образуютъ утесы; видъ чудесный, но за то такъ страшны эти неширокіе утесы съ маленькими деревянными перилами, что я не подходилъ къ самому краю. Наконецъ, сошли мы съ этого мѣста, и я смотрѣлъ вокругъ, стоя надъ нимъ. Тутъ одинъ молодой человѣкъ съ пріятнымъ лицомъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „вѣрно, нѣтъ такихъ мѣстъ на вашей родинѣ“?

— Да, отвѣчалъ я: горы, которыя я видѣлъ, имѣютъ со-всѣмъ другой характеръ.

Тутъ онъ началъ говорить со мною о Россіи, и я съ удивленіемъ и удовольствіемъ увидалъ, что онъ имѣетъ о ней довольно вѣрныя понятія; скоро мы познакомились короче; разговоръ пошелъ живо, и я увидалъ, что это очень образованный, прекрасный молодой человѣкъ, съ теплою душой.

съ любовію. Онъ находился немного подъ вліяніемъ Гейне на котораго я сталъ нападать за многое; мы пошли съ нимъ впередъ. Прошли Торъ—послѣднее мѣсто, съ утесовъ котораго смотрять на Саксонскую Швейцарію; мы вышли, наконецъ, на ровную дорогу, и я, разговаривая съ новымъ моимъ знакомымъ, непримѣтно дошелъ до самаго Гирши-Кретична, деревни на Эльбѣ. Во многихъ мысляхъ были мы согласны, со многими, кажется, онъ согласился или готовъ былъ согласиться. Онъ любитъ Россію и понимаетъ, кажется, ея важное значеніе. Это настоящій германецъ: свѣтлые, русые волосы, розовыя щеки, пріятное продолговатое лицо. Ему 21-ый годъ, тоже, что и мнѣ; но я противъ него уже мужъ зрѣлый. Онъ показалъ мнѣ портретъ Гейне—жидовское лицо. Но, впрочемъ, надобно подробнѣе узнать его мысли: въ болѣе систематическомъ порядкѣ, нежели въ той книгѣ, которую я читалъ. Бриль, имя молодаго человѣка, прочелъ мнѣ отрывокъ изъ Гейне, имъ выписанный: тутъ много вѣрныхъ мыслей, но со всѣмъ тѣмъ мнѣ кажется, что онъ не понимаетъ христіанства. Но объ этомъ подробнѣе послѣ.

Кобликъ меньшей разспросилъ, какъ мнѣ должно идти въ Теплицъ, и ему сказали, что я могу, какъ пѣшеходъ, пройти просто, не заходя въ таможеню, а суму свою отдать на это время имъ. У меня не было совсѣмъ большой охоты идти въ Теплицъ, но мои товарищи такъ хлопотали обо мнѣ, нашли мнѣ возможность идти, и поэтому я рѣшился идти съ ними. Для того, чтобы пройти безопаснѣе, надѣлъ я сюртукъ и пошелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ. Они показали въ таможенѣ свои ранцы и мою суму и догнали меня. Старшій Кобликъ уже охаль подъ моею сумой, отъ которой я, наконецъ, освободилъ его. Едва перешли мы Эльбу—и уже стало замѣтно, что мы въ землѣ католической. Сейчасъ попалась намъ статуя Св. Распятія, и ребятишки, которые встрѣтились мнѣ, поклонились мнѣ со словами: *Gelobt sei Iesus Christus* (Слава Господу Иисусу Христу)! Пошелъ дождь, но небольшой. Мы пришли усталые, изломанные отъ безпрестанныхъ сходовъ и восходовъ, отъ долгой ходьбы и отъ своей ноши. Мои товарищи хотѣли было ночевать въ Тейчекѣ (такъ называется этотъ первый богемскій городокъ), но я рѣшительно этому воспротивился, и мы рѣшились взять

отсюда почтовыхъ до Теплица, до котораго было всего миль 4, не больше. Тутъ отсталъ отъ насъ портной, и мы пошли опять трое. „Не устали ли вы?“ спрашивали меня мои товарищи.—Нѣтъ, это ничего не значить,—отвѣчалъ я,—я не боюсь усталости, тяжести; только проклятая трещина меня испугала нѣсколько.

Они смѣялись всякій разъ, какъ я поминалъ о трещинѣ. Замѣчательно, что въ Тейчекѣ характеръ лицъ совершенно не нѣмецкій, и нигдѣ не встрѣчалъ я столько прекрасныхъ лицъ, какъ тамъ. Мы дошли до почты, взяли почтовую коляску и, наконецъ, поѣхали, а не пошли. Мѣстоположеніе Тейчека превосходное; мѣста, которыми мы ѣхали, тоже. Скоро стало довольно холодно и пошелъ дождь; мы закрылись совсѣмъ; но, несмотря на это, насъ смочило дождемъ. Мои товарищи очень морщились. „А съ какимъ удовольствіемъ, господа,—сказалъ я имъ,—будемъ мы всѣ вспоминать объ этомъ времени!“—Да, да! Это правда! отвѣчали они.

Они сказали свой адресъ въ Берлинѣ, я имъ свой въ Москвѣ; они записали мое имя, которое легко могутъ разучиться выговаривать. „Мы,—сказали они,—переночуемъ въ Арбессау“ (станція).—Нѣтъ, господа,—возразилъ я,—къ чему это? поѣдемъ теперь же въ Теплицъ. Насъ вымочило, а къ тому же не все ли равно, зачѣмъ отдыхать на дорогѣ? Отдохнемъ тогда, когда кончимъ свой путь; я привыкъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи, скакать безъ отдыха, не отдыхая нисколько на дорогѣ, не ночуя, не умываясь, даже почти не выходя изъ экипажа, пока, наконецъ, пріѣду къ дѣли моего путешествія; тутъ только, наконецъ, я умоюсь, переодѣнусь и отдохну. Къ тому же мы всѣ потеряемъ нѣсколько утреннихъ часовъ.

Но такой родъ ѣзды вовсе не нравился моимъ спутникамъ, и они уговорили меня остаться переночевать въ Арбессау. Тамъ скинулъ я свой сюртукъ, который былъ нѣсколько вымоченъ; мы поужинали, и на другой день рано пошли осматривать памятники, поставленные въ честь битвы подъ Кульмомъ. Первый памятникъ, нами видѣнный, былъ австрійскій: довольно красивая, высокая колонна; второй прусскій—проще и лучше всѣхъ. Затѣмъ сѣли мы въ коляску и, проѣхавъ деревню Кульмъ, увидали русскій памятникъ, который, если сдѣланъ не съ такимъ вкусомъ, какъ прусскій, за то пыш-

нѣе всѣхъ; онъ воздвигнуть тремя державами въ честь русскаго воинства и особенно въ память Александра. Время, въ которое онъ воздвигнуть — 1835 годъ; надпись на немъ латинская, герба нашего нѣтъ,—что отнимаетъ національность у памятника. Мы сѣли опять въ коляску и пріѣхали въ Теплицъ; остояновились мы въ трактиръ Бѣлаго Ковя. Я бранилъ себя, что не взялъ съ собой другого платья и шляпы; въ такой фуражкѣ неловко было ходить по городу: нашъ Государь и прусскій были здѣсь. Я взялъ на прокатъ шляпу и пошелъ въ садъ со своими товарищами. Тамъ играла музыка и были оба Государя и вельможи трехъ дворовъ. Нашъ Государь былъ въ сюртукѣ. Нѣмцы были въ восторгѣ отъ его вида. Онъ, точно, хорошъ и въ статскомъ платьѣ. „Hübscher Mann“, „herrlicher Herr!“ эти восклицанія безпрестанно раздаются.

Послѣ обѣда товарищи мои пошли посмотрѣть одно живописное мѣстоположеніе, а я остался въ городѣ, пошелъ въ садъ, гдѣ пьютъ минеральныя воды, увидалъ въ преискурантѣ: „оберъ-зальц-брунъ“, и спросилъ себѣ бутылку. Я сейчасъ узналъ, милый, дражайшій отесѣвка, воду, которую вы пьете; только показалось мнѣ страннымъ, что она вовсе не шипѣла; въ бутылкѣ было стакана 4. Когда, пришедши домой, я захотѣлъ опять выпить этой воды, то я замѣтилъ въ ней маленькое шипѣніе; вкусъ тотъ же, только, кажется, здѣсь будто свѣжѣе. Я сказалъ рѣшительно своимъ товарищамъ, что завтра ѣду въ Дрезденъ, и взялъ мѣсто въ наемной каретѣ. Должно вамъ сказать, милые, дражайшіе родители, что я предоставилъ товарищамъ моимъ всю счетную часть и платилъ потомъ имъ, сколько, по ихъ словамъ,—въ истинѣ которыхъ не сомнѣваюсь,—былъ я имъ долженъ. Только переѣхавши въ несносную Австрію, мы совсѣмъ потеряли толкъ въ деньгахъ: крейцеры на ассигнаціи и на монету, гульдены... въ этомъ Коблики насилу нашли какой-то смыслъ, а я уже и не искалъ. Всѣ австрійскіе чиновники далеко не такъ учтивы, какъ прусскіе и особенно саксонскіе. По общему названію нашему австрійской монеты, я переплатилъ, кажется, лишній талеръ. Наконецъ, рано утромъ сѣлъ я въ карету и познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, неглупымъ малымъ, который сначала подумалъ, что я изъ Силезіи. Потомъ пожилая дама, ѣхав-

шая съ нами, приняла меня за австрийца. Мы взобрались на горы и, наконецъ, переѣхали ихъ. Въ таможенѣ должно было показать свой паспортъ; я показалъ свое свидѣтельство, сказавъ, что мой паспортъ въ Дрезденѣ. Чиновникъ усумнился было: пропускать меня или нѣтъ; но потомъ, видя, что я на обратномъ пути, и сказавъ, что я подвергался большой опасности безъ паспорта, пропустилъ меня. Мы пообедали въ ближайшей деревнѣ, гдѣ видѣлъ я мужиковъ-политиковъ, въ синихъ блузахъ, съ кружками пива и съ трубками, переважно разсуждавшихъ о Россіи, Австріи и Пруссіи. Приѣхавъ въ Дрезденъ, пошелъ я опять въ Hôtel de Russie—и только что распорядился нѣсколько, какъ вошелъ ко мнѣ Бриль, которому я сказалъ свой адресъ въ Дрезденѣ. Я провелъ съ нимъ пріятно вечеръ. На другой день пошелъ я съ нимъ вмѣстѣ въ картинную галерею, и на этотъ разъ гораздо больше видѣлъ: сильнѣе, явственнѣе были впечатлѣнія, должно быть, во второй разъ.

Мнѣ уже некогда, милые мои родители, описывать вамъ все, что мнѣ понравилось въ картинной галереѣ.

Бриль поутру принесъ мнѣ Шефера ⁶¹⁾. И все: разговоры о томъ, что меня интересуеъ, всѣ благія впечатлѣнія природы и искусства, мною воспринятія, наконецъ простые, прекрасные стихи Шефера — все это заставляеъ меня желать поскорѣе позаняться въ Швейцаріи въ тихой комнатѣ, среди свободной природы. Вы спрашиваете, милые, дражайшіе родители, почему говорилъ я дяденькѣ, что долго останусь въ чужихъ краяхъ и зиму проведу въ Берлинѣ. Такъ прежде говорилъ я и въ Москвѣ, но вы знаете, милые, дражайшіе родители, какъ шатки были всѣ мои предположенія, какъ особенно въ Петербургѣ колебались они. Нѣтъ, мои слова дяденькѣ о томъ, что я проведу зиму въ Берлинѣ, ничего не значать, я не стану себя связывать, и, какъ мнѣ кажется, Богъ дастъ, осенью буду въ Москвѣ. Да, милые, дражайшіе родители мои, недолго (по крайней мѣрѣ, теперь) проживу я въ чужихъ краяхъ; иногда мнѣ хотѣлось бы сейчасъ поѣхать. Вчера былъ я въ Москвѣ—въ панорамѣ: сдѣлано довольно вѣрно, только краски блѣдны:

⁶¹⁾ Леопольдъ Шеферъ, нѣмецкій поэтъ (1784—1862).

впрочемъ, я узналъ и Триумфальныя ворота и дорогу въ Богородское. Богъ дастъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять увижу Москву. Теперь хочется мнѣ въ Швейцарію: пожить тамъ мирно, уединенно. Да, потомъ опять—въ Россію, въ Москву, домой, гдѣ пойдутъ также (я увѣренъ почти) мои занятія. Я купилъ здѣсь много книгъ, — и очень глупо сдѣлалъ, потому что долженъ буду все возить ихъ съ собою: купилъ здѣсь также брюки и галстухъ, милые мои, дражайшіе родители, починилъ сапоги; поэтому вышло у меня довольно много денегъ. Дорого обошлась мнѣ и квартира: за 6, за 7 дней заплатилъ я (совсѣмъ, разумѣется) 9 талеровъ и 12 грош. Одинъ талеръ потерялъ я въ книжной лавкѣ Арнольда. Досадно мнѣ, что, когда пишу къ вамъ, милые, дражайшіе родители мои, я долженъ всегда торопиться; теперь тороплюсь тоже. Уѣзжаю нынѣ изъ Дрездена въ Лейпцигъ, затѣмъ въ Веймаръ, въ Рудольфштадтъ, оттуда въ Франкфуртъ на Майнѣ и въ Висбаденъ, оттуда въ Швейцарію—въ Бернъ или Люцернъ, гдѣ, я думаю, поселюсь я. Въ Берлинѣ оставилъ я записку, чтобы пересылали письма въ Дрезденъ, а въ Дрезденѣ, чтобы пересылали во Франкфуртъ на Майнѣ, куда я буду торопиться и стану мѣшкать какъ можно менѣе. Вѣрочка извинитъ меня, вѣрно, что я не пишу ей: она видитъ, какія большія письма пишу я къ вамъ, милые, дражайшіе мои родители. Вчера у меня написались стихи, которые пришлю я вамъ, милые родители мои. Бриллъ назвалъ мнѣ двухъ писателей, писавшихъ о грамматикѣ вообще, и я достану ихъ себѣ. Бриллъ этотъ—типографщикъ; онъ путешествуетъ пѣшкомъ и хочетъ быть также въ Россіи; я сказалъ ему свой адресъ. Онъ говоритъ, что съ перваго взгляда на меня узналъ, что я—русскій. Дяденькѣ Гр. Пв. и тетенькѣ я также напишу, что не думаю оставаться зиму въ чужихъ краяхъ. Богъ дастъ, этою осенью буду словесно вамъ рассказывать, милые, дражайшіе мои родители, и вамъ, милые братья и сестры, все, что было со мною въ путешествіи, и всѣ мои мысли и замѣчанія. Прощайте, милые, дражайшіе мои родители, будьте здоровы и не грустите только: я здоровъ, какъ нельзя больше, лишь только загорѣлъ очень отъ солнца.

Прощайте, дражайшіе мои родители, крѣпко, крѣпко цѣлую ваши ручки и обнимаю васъ.

Москва! туда, туда мой путь, мой возвратный путь. Москва, Богородское, милые, дражайшіе мои родители... Прощайте, прощайте! Получили-ль вы мои письма?

Вашъ *Костенька*.

Сообщилъ *Анатолій Александровъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).
